

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Эпоха Александра III ставит как перед исследователями, так и перед любителями истории два больших комплекса вопросов. Первый из них касается внутренней политики. Был ли верным консервативный курс, взятый новым императором после убийства отца, собиравшегося двигаться по пути реформ? Удалось ли справиться с внутренним кризисом — или лишь временно погасить его внешние проявления, не решив по существу ни одной из острых и масштабных проблем? Позволила ли предпринятая Александром III «заморозка» оздоровить российское государство и общество — или сделала практически неизбежными революционные потрясения начала XX века? Другой комплекс вопросов связан со сферой внешней политики, где именно в царствование Александра III произошли масштабные перемены. Кто несет ответственность за ухудшение российско-германских отношений? Был ли отказ от традиционного сотрудничества с Берлином и поворот в сторону союза с Францией неизбежным? Стал ли отказ преемников Бисмарка от продления «договора перестраховки» с Россией катастрофической ошибкой — или же трезвым признанием свершившихся фактов?

Автор представленного вниманию читателя дневника, Ганс Лотар фон Швейниц, тоже искал ответ на эти вопросы. Им двигало отнюдь не только любопытство — на протяжении

более чем шестнадцати лет, с 1876 по 1892 год, Швейниц являлся германским послом в Российской империи. Он постоянно взаимодействовал с ключевыми государственными деятелями и самим императором, внимательно изучал происходящее в стране, а также непосредственно играл немалую роль в развитии российско-германских отношений. Поэтому дневник Швейница — важный и ценный источник по истории эпохи Александра III, без которого трудно обойтись при ответе на многие ключевые вопросы.

Ганс Лотар фон Швейниц родился в 1822 году; как и многим прусским дворянам, ему была суждена военная карьера. Круг интересов молодого офицера оказался шире, чем у многих его сослуживцев, и к сорока трем годам он успел побывать на разных должностях: от личного адъютанта прусского кронпринца (с которым его всю последующую жизнь связывали дружеские отношения) до военного атташе в Австрии. В 1865 году он был назначен прусским военным уполномоченным в Петербурге — то есть личным представителем прусского короля при российском императоре. На этой должности он оставался на протяжении четырех лет. С Александром II у Швейница сложились очень хорошие отношения, которые можно даже с известными оговорками назвать дружескими. Поэтому в 1876 году, когда на повестку дня встал вопрос о назначении нового германского посла в Петербург, кандидатура генерала фон Швейница была названа практически сразу. Генерал к тому моменту уже имел весьма солидный дипломатический опыт — с 1869 по 1876 годы он представлял свою страну в Вене. Этот опыт оказался совершенно не лишним; перед новым послом с самого начала встали весьма непростые задачи.

Воспоминания и дневниковые записи Швейница, касающиеся его деятельности в России в эпоху Александра II, были опубликованы издательством «Евразия» в 2022 году¹.

¹ Швейниц Л. фон. При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб.: Евразия, 2022.

В настоящее издание вошли дневники германского посла, охватывающие период правления Александра III. Содержание их весьма многогранно. Читатель найдет здесь и подробности российско-германских отношений, и картины жизни императорского двора и высшего света, и размышления о настоящем и будущем России, и весьма яркие характеристики ключевых действующих лиц. Швейниц был не просто внимательным наблюдателем, он пытался осмыслить увиденное, высказывал свои суждения, строил прогнозы. Эти суждения и прогнозы особенно интересны — как взгляд на российскую действительность со стороны, который, как известно, позволяет увидеть определенные вещи в новом свете и по-новому задуматься над ними. Не менее важно также подчеркнуть, что генерал являлся не просто сторонним наблюдателем, а одним из ключевых участников происходящего в российско-германских отношениях. Швейниц вовсе не был послушным исполнителем воли Бисмарка; соблюдая дисциплину и субординацию, он, тем не менее, позволял себе иметь собственное мнение и действовать соответствующим образом.

Безусловно, взгляд автора дневника не полностью объективен. Впрочем, можем ли мы представить себе совершенно объективного очевидца? Любой человек является носителем определенного мировоззрения, через призму которого воспринимает окружающую действительность. Читая дневник Швейница, нужно, во-первых, помнить о его политических симпатиях. По своим убеждениям он являлся последовательным консерватором, выступал за сотрудничество европейских монархий и с подозрением относился к либеральным реформам. Во-вторых, нужно учесть, что Швейниц смотрит на Россию через призму распространенных в его времена национальных стереотипов. Последовательно выступая за сохранение добрых отношений Петербурга и Берлина, генерал вовсе не был русофилом. В-третьих, он был пламенным патриотом своей страны

и судил обо всем происходящем с позиции ее интересов. Более того, став в юности свидетелем визита Николая I в Потсдам, во время которого российский император обходился с прусским королем как с мелким вассалом, Швейниц невольно затаил обиду; с тех пор исключительно важным для него стало подчеркивать принципиальное равенство двух держав, избегать даже тени тех прежних времен, когда Пруссия являлась младшим партнером своей восточной соседки.

Все это, однако, не лишает дневник Швейница большой исторической ценности. Как известно, критический подход нужен к любому источнику, и представленный текст не может быть исключением.

В завершение необходимо сказать несколько слов, касающихся именно этого издания. Во-первых, при переводе текста были допущены незначительные сокращения. В частности, были опущены описания охотничьих приключений (генерал был страстным охотником) и некоторые сюжеты частной жизни, не представляющие для читателя большого интереса. Во-вторых, при комментировании текста большой проблемой стало ограничение объема комментариев. В своем дневнике генерал часто упоминает о сюжетах, которые в свое время занимали умы европейских дипломатов, однако в целом носили второстепенный характер и поэтому практически не нашли отражения в современных обзорных работах. Многим ли читателям знакома, к примеру, история военно-морской блокады Греции великими державами в 1886 году? Дать подробный развернутый комментарий по каждому такому сюжету не представлялось возможным. В связи с этим мы были вынуждены ограничиться лишь минимально необходимыми комментариями в надежде на то, что более подробную информацию читатель при желании найдет в монографиях специалистов. Так, по частным проблемам международных отношений соответствующего периода мы можем рекомендовать работы

Г. А. Нерсесова² (Египетский кризис), М. Ю. Золотухина³ (Болгарский кризис), С. Д. Сказкина⁴ (распад Союза трех императоров) и И. С. Рыбаченок⁵ (формирование русско-французского союза).

Николай Власов
февраль 2023 года

-
- ² Нерсесов Г. А. Дипломатическая история египетского кризиса 1881–1882 годов. М.: Наука, 1979.
 - ³ Золотухин М. Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888). М.: Наука, 1993.
 - ⁴ Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М.: Наука, 1974.
 - ⁵ Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР, 1993.

1881 ГОД

20 марта. Яркое солнце, тепло, но сильный ветер; без четверти одиннадцать траурная процессия двинулась в путь от Зимнего дворца¹. Император с достойным, мужественным видом шел за гробом; позади него — великие князья. Больше двух часов потребовалось на то, чтобы преодолеть пять верст до крепости². Дипломатический корпус собрался в крепостной церкви. В траурной процессии царил возмущительный беспорядок, полное отсутствие того уважения, которое является обыкновенным даже на похоронах незначительных особ. Были приняты весьма масштабные меры безопасности. Народ проявлял любопытство, но в целом относился к происходящему с тем же тупым равнодушием, какое я наблюдал на протяжении последней недели. Не было никакого следа возмущения в адрес убийц, глубокого горя или громкого плача. Лишь в одном месте — там, где совершилось злодеяние, — с утра до вечера можно видеть несколько сотен человек, в основном любопытствующих, но также плачущих и возлагающих цветы и венки.

21 марта. В 10 часов утра я отправился к Владимиру Александровичу. Этот великий князь прекрасно понимает и ощущает свое сыновнее горе, свой братский долг и ту опасность, которой он подвергается как представитель династии Романовых. В соответствующем духе была вы-

¹ Речь идет о похоронах Александра II.

² Имеется в виду Петропавловская крепость.

держаны и его речь, обращенная ко мне — проникновенная и хорошо продуманная.

22 марта. Последние слова, сказанные мне усопшим императором, были: «Увидимся 22 марта!» Человеку, внимательно наблюдавшему за происходившим в последние годы внутри России, потрясенному (хотя и не удивленному) провалом умиротворяющей политики Лорис-Меликова, должна прийти в голову мысль: теперь император отправится в Москву! И действительно, кажется, остался выбор между двумя путями: реформы в европейском духе в Петербурге или самодержавное царствование в Москве. Все газеты северной столицы, за одним-единственным исключением, требуют либеральных реформ и насмехаются над предложением Каткова и Аксакова перенести резиденцию в Кремль. Это предложение имеет смысл, но я не верю, что оно будет исполнено; возникнет слишком много неудобств. Однако весьма любопытен вопрос о том, что было бы лучше для нас: конституционная империя на Неве или самодержавное царство в Кремле?

24 марта. В девять часов утра я встретил кронпринца в Гатчине. Он с похвалой отозвался о моем донесении от 16-го числа, назвал его «классическим» и передал мне весьма лестный отзыв супруги об этом документе. Такая похвала очень обрадовала меня, но одновременно насторожила. Как бы то ни было, я лишь хотел сказать, что, если монарх не может править сам и не находит людей, способных позаботиться о его интересах, он теряет контроль в пользу других.

26 марта. Я пришел к господину Гирсу³; он советовался с бароном Жомини⁴ по неприятному вопросу. Перед

³ Николай Карлович Гирс (1820–1895) — российский дипломат, с 1875 года товарищ министра иностранных дел, в 1882–1895 годах министр иностранных дел. Сторонник тесного сотрудничества России с Германской империей.

⁴ Александр Генрихович Жомини (1814–1888) — российский дипломат, один из ближайших помощников князя А. М. Гор-

ними лежалаnota Гренвиля⁵ по поводу Греции⁶; императрица плакала из-за своего брата Георга!⁷ Гирс спросил мое мнение; я ответил, что покойная императрица⁸ помогла начать войну ради славян, остается только желать, чтобы нынешняя не сделала того же ради греков. В случае обострения ситуации следует позаботиться о том, чтобы люди, желающие пользоваться популярностью при дворе, не отправились в Грецию добровольцами. Я мог бы назвать некоторых, у кого явно имелись подобные намерения. Гирс прекрасно понимал ситуацию и действовал в соответствии со своими убеждениями.

27 марта. Около полудня я вместе с Анной отправился на похороны в Петропавловский собор. Церемония была величественной и захватывающей. Большая часть присутствующих думала о минах и бомбах; ждали, что что-нибудь произойдет. Граф Адлерберг⁹ выглядел весьма достойно и вызывал сочувствие; он неподвижно стоял у изголовья человека, которому служил всю свою жизнь. По окончании

чакова, в 1879–1880 годах товарищ министра иностранных дел, с 1882 года занимал пост статс-секретаря.

5 Джордж Левесон-Гоэр, граф Гренвиль (1815–1891) – британский политик, один из лидеров Либеральной партии. В 1880–1885 годах занимал пост министра иностранных дел в кабинете Гладстона.

6 Речь идет о греко-турецком конфликте, урегулированием которого занимались в тот момент великие державы.

7 Греческий король Георг I (годы правления 1863–1913) являлся родным братом российской императрицы Марии Федоровны.

8 Имеется в виду императрица Мария Александровна, супруга Александра II; по мнению Швейница, ее окружение активно способствовало принятию решения о начале в 1877 году войны с Османской империей.

9 Граф Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888) являлся одним из ближайших сподвижников Александра II; в 1870–1881 годах занимал пост министра императорского двора и уделов.

церемонии я отправил телеграммы императору и кронпринцессе. Затем в Зимнем дворце у меня была беседа с кронпринцем; он рассказал о своем разговоре с российским императором, прошедшем весьма удовлетворительно и без всяких излишеств. Вечером принц ужинал у нас.

8 апреля. В России уже давно пренебрегают теми формальностями, которые важны в повседневной жизни и необходимы в дипломатическом общении. Традиция хорошего тона утрачена. Примерно через три-четыре дня после ужасного события я на правах дуайена дипломатического корпуса написал статс-секретарю Гирсу, что представители европейских держав хотели бы лично высказать Их Величествам свои соболезнования и добрые пожелания. Прием был наконец назначен на сегодняшний день — на кануне запланированного переезда в Гатчину. Императорская чета производила хорошее впечатление, держалась просто и достойно, что позволило забыть о недостатке любезности и учтивости. У дверей, через которые вошли Их Величества, стояли камердинер с воротником весьма сомнительной чистоты и лакей в гамашах и поношенной ливрее без траура. Из боковой комнаты с любопытством выглядывали игравшие там дети; на несколько мгновений в салоне появились мопс и шпиц с умной мордочкой. В приемной я встретил генерала Игнатьева¹⁰ и поздравил его с назначением министром государственных имуществ. Он ответил, что царь хотел сделать его министром образования, а когда Игнатьев наотрез отказался, вынудил

¹⁰ Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) — российский дипломат и государственный деятель, в 1864–1877 годах являлся послом в Османской империи, в 1878 году вел переговоры о заключении Сан-Стефанского мира. Одна из самых влиятельных фигур во внутренней и внешней политике России; в 1881–1882 годах занимал пост министра внутренних дел. Швейниц крайне негативно относился к личности и деятельности графа Игнатьева, считая его лжецом и авантюристом, толкающим Россию к серьезному кризису.

принять министерство государственных имуществ. О чем думает голова, в которую могла прийти мысль доверить графу Игнатьеву воспитание молодежи?

12 апреля. Вечером у меня был граф Кальноки¹¹ и рассказал подробности о первом дне, проведенном императорской четой в Гатчине. Распорядитель подготовил обед для Их Величеств и свиты, однако император и слышать об этом ничего не пожелал. Он надел свой китель, скроенный по австрийскому образцу, пообедал в кругу семьи, затем улегся в шезлонг и курил сигареты, никого не принимая и не читая. Впрочем, в его окружении нет никого, с кем он мог бы обсудить серьезные дела.

22 апреля. Я дважды ночевал в лесу¹². Император по-прежнему в Гатчине. Оттуда почти никаких известий, и я смог узнать некоторые курьезные подробности только от принца Альтенбургского¹³, который время от времени навещает меня. Важнее другое: 20 марта в Аничковом дворце заседал совет под председательством императора. Обсуждался вопрос, поднятый непосредственно перед гибелью прежнего монарха: о созыве земских делегаций. Министр внутренних дел неубедительно мотивировал

¹¹ Густав Кальноки (1832–1898) — австро-венгерский дипломат; в описываемое время (с 1879 года) посол в Петербурге. Осенью 1881 года назначен министром иностранных дел Австро-Венгрии, оставался на этом посту до 1895 года.

¹² Во время поездки на охоту.

¹³ Принц Альберт Саксен-Альтенбургский (1843–1902) — представитель одной из ветвей династии Веттинов, российский и прусский военный деятель. Карьера принца была довольно необычной: в 1864 году он участвовал в рядах прусской армии в Датской войне, в следующем году поступил на российскую службу, однако в составе германской армии участвовал во Франко-германской войне 1870–1871 годов; затем вновь вернулся в Россию и участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Дослужившись в российской армии до звания генерал-майора, в 1885 году окончательно вернулся в прусскую армию и достиг звания генерала кавалерии.

свое предложение и не смог защитить его от кратких, но решительных возражений 80-летнего графа Строганова и страстного красноречия обер-прокурора Синода¹⁴. Граф Валуев¹⁵ рассказал мне, что автор предложенного проекта — не Лорис-Меликов¹⁶, а Абаза¹⁷. Последний выступил в защиту своего творения, но, похоже, в этот раз не сумел произвести большого впечатления. Господин Сольский¹⁸ в ответ на резкие возражения графа Строганова и господина Победоносцева против любых уступок попросил их

¹⁴ Имеется в виду Константин Петрович Победоносцев (1827–1907), занимавший пост обер-прокурора Синода с 1880 по 1905 год. Одна из ключевых фигур эпохи Александра III, придерживался консервативных взглядов, выступая за сохранение существующей системы. Фактически фигура Победоносцева стала в российском обществе символом реакции и сопротивления любым переменам. Швейниц относился к нему негативно, считая, что он подталкивает Россию к более агрессивной и поэтому опасной внешней политике.

¹⁵ Петр Александрович Валуев (1814–1890) — российский государственный деятель, министр внутренних дел в 1861–1868 годах, министр государственных имуществ в 1872–1879 годах, председатель Комитета министров в 1879–1881 годах.

¹⁶ Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1824–1888) — российский военный и государственный деятель. В 1880 году стал главой Верховной распорядительной комиссии, основными задачами которой были борьба с революционной угрозой и подготовка внутренних реформ, а также министром внутренних дел. Подготовил проект политической реформы, которая не была реализована в результате убийства Александра II. В 1881 году ушел в отставку.

¹⁷ Александр Агеевич Абаза (1821–1895) — российский государственный деятель, министр финансов в 1880–1881 годах.

¹⁸ Дмитрий Мартынович Сольский (1833–1910) — российский государственный деятель, в 1878–1889 годах государственный контролер Российской империи. Впоследствии возглавлял ряд департаментов Государственного Совета, а в 1905–1906 годах являлся его председателем.

выступить со своими предложениями. Этого они не смогли, и совет закончился без какого-либо результата.

27 апреля. В Таменгонтском лесничестве. В последние дни я был сильно занят, обсуждая с господином Гирсом текст циркуляра, приглашавшего великие державы отправить своих представителей на конференцию в Брюсселе, призванную изыскать средства для борьбы с международными террористами. Я исправил русский проект, так что из него исчезли выражения «права на убежище» и «выдача»; англичане и французы и без того будут сильно противиться. Их Величества уже 17 дней в Гатчине; император ни на один день не возвращался в столицу. Генерал Трепов¹⁹ отправился к великому князю Владимиру, чтобы попросить его убедить брата показаться войскам; это безусловная необходимость. Вчера стал достоянием общественности в высшей степени примечательный факт: князь Ливен выпросил у покойного монарха в подарок целый лес, а новый император снял его с должности управляющего министерством доменов и вынудил вернуть лес в казну. Первая мера была правильной, вторая — ошибочной. Если, опираясь на данный прецедент, потребуют пересмотра всех императорских земельных пожалований, это станет жуткой расправой с классом, который на протяжении последних двадцати лет не правил, а наслаждался, не трудился, а богател. Такая кара была бы вполне заслуженной, однако нельзя пересматривать решения самодержца, не подрывая основы императорской власти. [...]

28 апреля. Во второй половине дня я отправился к господину Гирсу. Франция не желает принимать приглашение на «полицейскую конференцию», если его отклонит Англия. Князь Бисмарк уже сообщил мне об этом телеграммой; похоже, французы обратились к нему с просьбой

¹⁹ Федор Федорович Трепов (1812–1889) — российский государственный деятель, с 1866 годаober-полицмейстер, в 1873–1878 годах градоначальник Санкт-Петербурга.

подготовить российские власти к такому ответу и постараться смягчить их реакцию. Это настоящее удовольствие — наблюдать, как князь Бисмарк умеет обратить на пользу Германии любое происшествие, как счастливое, так и трагическое. [...]

14 мая. С того дня, как я в последний раз писал в своем дневнике, произошло много политических событий. **5-го** у меня была беседа с Валуевым. Я спросил его, знает ли он что-нибудь о произошедшем на совете, состоявшемся 3 мая. Он ответил отрицательно; из того факта, что его не пригласили, Валуев сделал вывод, что обсуждались изменения, в рамках которых ему больше не будет места. «Я слишком европеец, — заявил он. — Я не считаю, что народы можно русифицировать ударами кулака».

8-го был большой прием у нас, **10-го** — у графа Кальонки. Все, с кем я беседовал, считали принятие программы Лорис-Меликова делом решенным. Работы мне добавили также греко-турецкий конфликт и государственный переворот Александра Болгарского²⁰.

Утром **11-го** Их Величества вернулись из Гатчины. Парад был проведен довольно быстро, а затем император отправился завтракать во дворец тяжело больного герцога Петра Ольденбургского. Оттуда он поехал в Зимний дворец, где раздал мундиры своего отца делегациям полков, шефом которых тот являлся. Далее Их Величества отправились в искупительную часовню на Екатерининском канале²¹. В этот момент началось распространение манифеста,

²⁰ Князь Александр Баттенберг (годы правления 1879–1886) произвел 9 мая 1881 года в Болгарии государственный переворот, отправив в отставку правительство Каравелова, приостановив действие конституции и существенно расширив свои полномочия.

²¹ Речь идет о временной деревянной часовне, построенной весной 1881 года на месте гибели Александра II. Впоследствии часовня была разобрана, а на ее месте возведен собор Воскресения Христова, более известный как Спас на Крови.

в котором император объявлял, что он был и останется самодержцем. Новость ошеломила всех, поскольку слухи о совете, состоявшемся 3 мая в Гатчине, питали совершенно иные ожидания. Манифест составлен в стиле пастырских посланий Победоносцева; если он останется лишь проповедью, это будет весьма печально, если же он станет программой и основанием для энергичных действий, это можно только приветствовать. В качестве подобных действий я рассматривал бы создание комиссии общей безопасности и формирование единого кабинета министров под руководством консервативного деятеля вроде графа Петра Шувалова²².

18 мая. Вечером 14-го, написав предыдущие строки, я вышел на свежий воздух посмотреть на птиц. Примерно час я наслаждался лесной тишиной, затем гармонию нарушил топот копыт. Он опечалил меня не только потому, что помешал наслаждаться природой и получать удовольствие от охоты; я вспомнил [...], как сидел на вершине Шпильберга, когда туда вскарабкался гонец с телеграммой, в которой граф Дёнхоф сообщал мне, что кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол начинает превращаться в серьезную проблему²³. Но вскоре выяснилось, что ничего страшного не произошло. С юношеским

²² Граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889) — российский государственный деятель, доверенное лицо Александра II. Шеф жандармов и начальник Третьего отделения в 1866–1874 годах, посол в Великобритании в 1874–1879 годах. Являлся одним из наиболее влиятельных российских государственных деятелей, в 1870-е годы считался вероятным преемником Горчакова на посту канцлера. Играя большую роль на Берлинском конгрессе 1878 года, поэтому именно на него возложили ответственность за якобы неудачный для России исход конгресса. В дальнейшем не занимал значимых постов. Швейниц был весьма высокого мнения о графе Петре Шувалове.

²³ Речь идет об остром международном кризисе летом 1870 года, предшествовавшем началу Франко-германской войны.

усердием граф Редерн и майор Лигниц сочли своим долгом сообщить в Берлин, что слух о смене графа Лорис-Меликова на генерала Игнатьева представляется правдивым. Я уже знал об этом, когда отправлялся на охоту, но почитал за лучшее дождаться свершившихся фактов. Теперь же они прислали секретаря посольства фон Кидерлена, чтобы поставить меня в известность о произошедшем. Мне пришлось отказаться от еще одного спокойного дня на охоте [...], и в начале десятого я уже был в Петербурге.

Царство истины, которое провозгласил Александр III в своем манифесте, началось с того, что министром внутренних дел назначен известнейший лжец. Граф Игнатьев, впрочем, отличился не только на этом поприще государственного псевдоискусства. Он — полный идей, энергичный и весьма ловкий деятель, который умеет обращаться с людьми и ставить себе на службу лучших, чем он. Предмет моих размышлений в настоящий момент таков: если триумвират московских политиков Победоносцева, Каткова²⁴ и Аксакова²⁵, советам которых император следует во внутренней политике, принесет добрые плоды, то и во внешних делах их голоса приобретут вес. Господин Гирс полностью согласен со мной в этом вопросе.

²⁴ Михаил Николаевич Катков (1818–1887) — российский публицист, издатель влиятельной газеты «Московские ведомости». Придерживался славянофильских и консервативных взглядов. За рубежом его считали одним из лидеров агрессивного панславизма. Пик политического влияния Каткова пришелся на эпоху Александра III.

²⁵ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — российский публицист и общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения. В 1872–1874 годах возглавлял Общество любителей российской словесности, в 1875–1878 годах — Славянское благотворительное общество (Славянский комитет). С 1880 года издавал еженедельную газету «Русь», а также занимал ряд выборных постов в Москве.

26 мая. 22-го я отправил массу донесений. **23-го** у господина Гирса, который относится к болгарскому князю и генералу Эрнроту куда менее благосклонно, чем еще недавно. В ответ на мой вопрос Гирс с уверенностью заявил, что донесения генерального консула Хитрово²⁶ вполне надежны. **25-го** мы вновь беседовали, и он оценивал общую ситуацию как удовлетворительную: накануне в Константинополе была подписана конвенция об уступке Фессалии²⁷; в вопросе о выдаче террористов державы идут навстречу, несмотря на то что предложение о созыве конференции отклонено; переговоры с Берлином и Веной²⁸ медленно, но, как полагает Гирс, уверенно движутся к своей цели. От меня, однако, не укрылось, что к этому важному вопросу и в Вене, и здесь относятся спустя рукава. В обеих столицах нет искреннего стремления к обязывающему соглашению, которое к тому же полагают невозможным. И в Вене, и в Петербурге хотят сближения с нами за счет другого. Император Александр пока еще движется курсом, который начертал его отец, однако недавно он уже заявил: «Разве все это не означает, что соглашение с Австрией невозможно в принципе?» Постоянные вредоносные, порой оскорбительные словесные уколы со стороны барона Хаймерле²⁹

26 Михаил Александрович Хитрово (1837–1896) — российский дипломат, в 1881–1883 годах занимал пост дипломатического агента и генерального консула в Болгарии. Изначально входил в число доверенных лиц князя Александра, однако довольно быстро вступил с ним в конфликт. Проводил политику по удержанию Болгарии в сфере российского влияния.

27 Османская империя уступала Фессалию Греции — итог кризиса в отношениях двух упомянутых государств, разрешенного при посредничестве великих держав.

28 Переговоры по поводу возобновления Союза трех императоров и разграничения сфер интересов на Балканах.

29 Барон Генрих Карл фон Хаймерле (1828–1881) — австрийский дипломат, в 1879–1881 годах министр иностранных дел Австро-Венгрии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru